

Идеи и лидерство в революционных процессах

Ideas and leadership in the revolutionary process

УДК 323.27

Получено: 01.09.2009

Одобрено: 15.09.2019

Опубликовано: 25.09.2019

Зиновьев А.О.

Канд. полит. наук, доцент СПбГУ

e-mail: a.o.zinoviev@spbu.ru

Zinoviev A.O.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg state university

e-mail: a.o.zinoviev@spbu.ru

Аннотация

В статье предлагается уточнение роли идей и революционных идеологий в рамках современных теорий революционных процессов, центрированных на государстве. Данные подходы, созданные в рамках социологии и политической науки, делают акцент на «объективности» революции, в отличие от классических исторических подходов, с их акцентом на роли революционных идей и идеологий в объяснении логики революционных процессов. В ходе революционных процессов возрастает роль лидерства и возрастает роль идей революционного лидера. Революционное лидерство соединяет новое революционное государство и революционные идеологии. Лидерство усиливает роль идей в создании нового государства. На основе анализа некоторых теоретических сравнительных исследований революционных процессов в работах М. Манна и М. Парса показана ключевая роль идей для объяснения различных результатов революций в виде идеологий нового революционного государства.

Ключевые слова: идеи, лидерство, революционные идеологии, государство, революционные процессы.

Abstract

The article proposes a clarification of the role of ideas and revolutionary ideologies within the framework of the revolutionary processes modern theories focused on the state. These approaches, created within the framework of sociology and political science, emphasize the “objectivity” of a revolution, in contrast to the classical historical approaches with their emphasis on the role of revolutionary ideas and ideologies in explaining the logic of revolutionary processes. The role of leadership grows during the revolutionary processes and the role of ideas of a revolutionary leader develops as well. Revolutionary leadership connects the new revolutionary state and revolutionary ideologies. Leadership reinforces the role of ideas in the creating a new polity. The author demonstrates the key role of ideas for explaining various results of revolutions in the form of ideologies of a new revolutionary state in the context of analysis of some theoretical comparative studies of the revolutionary processes (M. Mann and M. Parsa).

Keywords: ideas, leadership, revolutionary ideologies, state, revolutionary process.

Роль «идей» в революционных процессах является предметом споров между различными дисциплинарными подходами в изучении революций. Для некоторых исследователей революции представляют собой реализацию революционными лидерами их «идей», т.е. именно «идеи» революционных лидеров составляют сущность революций. Для других

исследователей революции творятся великими лидерами, которые используют различные «идеи» для создания лозунгов и политических программ в ходе политической мобилизации своих сторонников. Для адекватного понимания прошлых и особенно будущих революций полезно точно понимать роль «идей» и их места в революционном лидерстве. Избегать крайностей в трактовке роли «идей» для хода революционных процессов, с учетом важности «идей» как соединения лидеров и масс в их построении нового революционного государства.

Акцент на ключевой роли «идей» в революционных процессах характерен для историков и исторически ориентированных философов. В качестве примера можно взять последнюю работу Мартина Малии «Локомотивы истории» [1], в которой предложена концепция накопления революционных «идей» в истории Европы. В изучении революций значение специфики исторической науки неизбежно значительно, в отличие от изучения современной политики. Особенности подготовки историков создают у них склонность обращать внимание на роль «идей» в согласовании текстов и контекстов или, другими словами, в согласовании исторических персонажей и социальных условий их существования. Например, для «Анатомии революции» Крейна Бринтона [3] характерно уделение внимания роли «идей», которые в его понимании революции по метафоре «болезни» выступают в виде своеобразных «микробов» революционной «болезни». В ходе революционных процессов роль радикальных «идей» постепенно снижается, что объясняет стадии протекания революционной «болезни» от кризиса к затуханию и выздоровлению.

С другой стороны, экономисты со времен Маркса были ориентированы на понимание реалий «социального мира» по аналогии с реалиями «объективного мира» (если воспользоваться типологией трех миров значимости у Юргена Хабермаса, предложенной на основе выделения трех миров Карлом Поппером [5]). В рамках подобной ориентации, «идеи» представляют собой лишь субъективные отражения «законов истории» у отдельных людей, также как «идеи» ученых-физиков представляют собой лишь субъективные отражения «законов природы» в меру их познания современной наукой.

Споры между «объективистами» и «субъективистами» в объяснении роли «идей» в революционных процессах связаны с более фундаментальными спорами о специфике наук об обществе по сравнению с науками о природе. Экономическая наука в большей степени, а социология и психология в меньшей степени, ориентированы на «объективный мир» в смысле Поппера-Хабермаса, что нашло отражение в характере исследований «модернизации» и «демократизации» государств третьего мира. Для историко-философского понимания политики (т.е. для традиционного понимания политики историками, философами, юристами и филологами) идеи и идеологии выступают описанием реалий «социального мира». Популярность «научной» ориентации на реалии «объективного мира» частично способствовала популярности марксизма. Именно марксизм представляет собой компромиссное сочетание позиций «объективистов» и «субъективистов» в понимании идеологий и революций.

Государство и «идеи» в революциях

Популярность марксизма во многом базируется на успехах В.И. Ленина, который связал государство и революцию в ходе своей практической деятельности по применению марксизма в борьбе за власть. В своих работах 1917 г. Ленин решал стратегические задачи захвата и удержания власти, что требовало согласования «объективного мира» и «социального мира» в правильном понимании уже идущей революции. Стратегическая рациональность Ленина предполагала существенный учет социальных особенностей соперников Ленина в борьбе за власть, включая и роль «идей» в ходе революционных процессов. Но, как все марксисты, Ленин подчеркивал приоритет «законов истории», т.е. приоритет логики «объективистов» в описании социальных реалий революционных процессов. В результате он недооценивал собственную роль революционного лидера и важность «творческого» использования «идей» марксизма для победы в борьбе за создание нового революционного государства.

Идеи Ленина об «объективной» важности государства были развиты в работах Теда Скочпол и ее учеников. В своей основной работе «Государства и социальные революции» [7] Теда Скочпол предложила существенное переосмысление роли государства в революционных процессах как самостоятельной социальной силы, относительно автономной от классового господства. В своей работе на примере Франции, России и Китая, она показала, что факторы соперничества между государствами сыграли важную роль в «объективном» формировании революционной ситуации. В терминологии Хабермаса, Скочпол делала акцент на ключевой роли стратегической рациональности революционных лидеров и их ориентации на «объективный мир» в деле построения нового революционного государства.

В работах ее ученика Джеффа Гудвина [4] предложено соединение исследований слабых государств с исследованиями социальных движений для объяснения революционных процессов в странах третьего мира. Как показал Гудвин, страны третьего мира более подвержены опасности революции (и в этом похожи на государства Европы эпохи раннего модерна) по причине их организационной слабости. Патримониальное правление в странах третьего мира имеет слабую поддержку населения по сравнению с рационально-бюрократическим управлением в странах устойчивой демократии. Патримониальное правление, как правило, исключает значительные группы населения из процессов управления государством, что позволяет создавать массовые социальные движения на основе неприятия недемократических коррумпированных режимов личной власти. Государства в странах третьего мира обладают слабой инфраструктурной властью в силу низкой эффективности патримониальной бюрократии, т.е. слабо воздействуют на повседневную жизнь своих граждан. Слабость патримониального правления создает «пространство возможностей» для формирования революционного социального движения, например, на базе марксизма или национализма. Сочетание режимов и социальных движений образует политический контекст, который объясняет специфику протекания революционных процессов в различных странах. Предложенная Майклом Манном [2, с. 392-393] модель четырех источников социальной власти позволяет понять комплексный характер краха государства в результате начала революции. Как отмечает Манн, революции касаются как минимум трех из четырех источников социальной власти. Экономические проблемы ведут к кризису политической и / или идеологической власти «старого порядка». Проблемы в военной сфере также могут вести к кризису в других сетях социальной власти. В патримониальных режимах, таких как Иран, при шахе, деспотическая власть лидера является ключевой для всех четырех сетей социальной власти (при относительной автономии идеологической власти), что ведет к быстрому перетеканию кризисных тенденций из одной сети социальной власти в другие сети. Деспотическая власть лидера резко ослабляется, так как вся ответственность концентрируется в личности главы государства. А низкая инфраструктурная власть государства делает вероятным появления кризиса в любой из сетей социальной власти. В рамках подхода Манна, идеи и культуры связаны с сетями идеологической власти, которые обладают относительной автономией и зависимостью от сетей военной, экономической и политической власти.

Детальный сравнительный анализ революций в трех патримониальных режимах предложил Мисах Парса в работе «Государства, идеологии и социальные революции» [6]. В своей работе Парса предложил анализ революционных событий в Иране, в Никарагуа, и в Филиппинах. Он понимает революционные процессы как сочетание структурных переменных и динамики политических процессов, с учетом возможностей по революционной мобилизации различных социальных групп. В своей работе Парса показал сходство структурных переменных в трех странах. В частности, сильную зависимость экономик трех стран от мировой экономической конъюнктуры, которая особенно велика была в Иране, но имела место и в остальных двух странах. В политической сфере трех стран сформировались сходные типы «исключающего правления» в виде режимов личной власти, которые соответствуют деспотической власти по Манну или патримониальному правлению

по Гудвину. Личность правителя играла ключевую роль во всех сетях социальной власти. В ходе революции в Иране к власти пришло шиитское духовенство, в Филиппинах – классические либеральные политики, а в Никарагуа – классические левые марксисты-сандинисты. Если интерпретировать результаты исследования Парсы в терминах Хабермаса и Манна, то в рамках «объективного мира» все три страны имели сходные структурные переменные и сходные экономические причины кризиса государства. В рамках «социального мира» все три государства управлялись патримониальными режимами исключительной личной власти (сетями личного патронажа «друзей» правителя), для которых характерно обилие деспотической власти и скудность инфраструктурной власти. По данной причине, в рамках «субъективных миров» большую роль играли особенности личности трех правителей. Также значительную роль сыграли «субъективные миры» революционных лидеров в их взаимодействии с «социальными мирами» данных стран (в виде идеологической мобилизации различных социальных групп). Проблемы в области экономической власти лишь запустили кризисные процессы патримониального правления, а различные результаты революционных процессов сложились в виде итогов идеологической борьбы за революционную мобилизацию.

Революционное лидерство и «идеи» в построении нового государства

В соответствии с взглядами М. Манна, «слабое государство» можно понимать как результат эффектов ослабления государства по линиям военной власти, экономической власти, политической власти и идеологической власти. За каждой из сетей социальной власти стоят носители соответствующих властных ресурсов. Если понимать, с опорой на идеи Ю. Хабермаса, государство как диалектику стратегической рациональности и коммуникативной рациональности, то революцию можно понимать как временную утрату способности к стратегической рациональности у руководителей государства. Поскольку государство предполагает координацию всех четырех властей и носителей множества ресурсов, способность руководства государства к стратегической рациональности зависима от коммуникативной рациональности аппарата государственного управления. Военная власть и экономическая власть в схеме Манна примерно соответствуют стратегической рациональности у Хабермаса, тогда как идеологическая власть и политическая власть примерно соответствуют коммуникативной рациональности. Революционный процесс содержит в себе усилия по восстановлению диалектики рациональностей в процессах управления государством. В данном восстановлении ключевую роль начинает играть политическое лидерство. Крах традиционного лидерства вместе с государством «старого порядка» требует заполнения политической пустоты. Возникает стихийная борьба среди претендентов на революционное лидерство. Значение приобретает эмоциональный интеллект лидера, в дополнение к его способности к стратегической рациональности в управлении государством. Хотя Т. Скочпол полагала, что ключевую роль в результатах революции играет стратегия политического лидера, который лишь утилитарно использует культурные идеомы и организует массы в социальные движения, идеи и идеологии обладают относительной автономией.

Например, революционные «идеи» В.И. Ленина во многом были результатом соединения длительной революционной традиции в России и марксизма как итога анализа революций в Европе. Идеи и философия всегда нуждаются в материальной поддержке своих носителей, а распад государства создает возможности для их реализации и придает важность их содержанию (если, конечно, они овладевают массами). Относительная самостоятельность идей и идеологий опирается на особенности «габитусов» (или идентичностей) носителей неких идей и на социальные сети из носителей сходных идей (на «дискурсивные сообщества»). С одной стороны, потенциальный революционный лидер стратегически выбирает идеологию на основе своего «габитуса», а с другой стороны, идеологии «выбирают» революционного лидера, исходя из его «габитуса». Между «габитусом» лидера и «габитусами» его сторонников должно быть относительное соответствие, на котором

держится временный институциональный порядок (стадии революционной «болезни» по К. Бринтону). Данный институциональный порядок поддерживается эмоциональным интеллектом политического лидера и идеологическими фреймами (лозунгами для масс и нарративами для элит). Акцент на лидерстве и идеологии не исключает, а дополняет необходимость построения государства как организации, состоящей из носителей четырех источников социальной власти. Сложность подобной задачи по построению революционного государства объясняет хрупкость институциональных порядков и их смену в ходе революционного процесса.

Заключение

Слабое патримониальное государство повышает роль политического лидерства, что переносится на значение революционного лидерства после краха «старого порядка». Патримониальное государство построено на значении личных связей и это не может быстро измениться, что повышает роль личности в революционных процессах (и создает сложности для построения демократического государства).

Важная роль революционных идей, которая обычно отмечается историками, должна быть понята с учетом ключевого значения государства в революционных процессах. Ключевое значение государства, которое было обосновано Лениным и Скочпол, должно сочетаться с изучением «субъективных» аспектов революционных процессов и революционного лидерства в виде идей и идеологий. В соответствии с различием «миров» Поппера-Хабермаса, революции проявляются в «объективном мире» как распад государства, который отражается в «социальном мире» и в «субъективных мирах» как крах идеологической парадигмы «старого порядка». В ходе революции происходит формирование новой идеологической парадигмы построения нового революционного государства на основе идей, которые существовали до начала революции. Идеи и «культурные идиомы» создаются в течение длительного времени в виде «дискурсивных формаций» по Мишелю Фуко, и их появление зависит от социальных структурных условий культурного производства в мире и в данной стране. Сами по себе идеи не создают революционную ситуацию, но после краха государства и идеологической парадигмы «старого порядка» они начинают влиять на ход революционных процессов в виде революционного лидерства и революционных социальных движений. В трех странах, проанализированных в работе Парсы, сложились различные типы революционных социальных движений на базе различного революционного лидерства и различных революционных «идей», что нашло свое выражение в построении различных революционных государств.

Революционное лидерство предполагает успешное построение нового государства (как новое выстраивание сетей социальной власти) и осуществляется на основе идей и культурных идиом конкретного революционного лидера (или коалиции лидеров). Идеи соединяют стратегию лидера и его коммуникацию с революционным социальным движением. Именно революционные идеи определяют особенности нового государства как главного «объективного» результата революций.

Литература

1. *Малия М.* Локомотивы истории: революции и становление современного мира. / пер. с англ. Е.С. Володиной. – М.: РОССПЭН, 2015. – 405 с.
2. *Манн М.* Источники социальной власти. Т. 4. Глобализации, 1945-2011. / Пер. с англ. А.В. Лазарева. – М.: «Дело», 2018. – 672 с.
3. *Brinton C.* The Anatomy of Revolution. – New York: Random House, 1965 (1938). 326 p.
4. *Goodwin J.* Revolutions and Revolutionary Movements// The Handbook of Political Sociology / Janoski T., Alford R., Hicks A., Schwartz M.A. (eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. pp. 404-422
5. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. - Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. Band I. 545 p.

6. Parsa M. *States, Ideologies and Social Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 336 p.
7. Skocpol T. *States and Social Revolutions*. – Cambridge: Cambridge university press, 1979. 424 p.

References

1. Malia M. *Locomotivi istorii: revolyutsii i stanovlenie sovremennogo mira* [History's Locomotives: Revolutions and the Making of Modern World]. M., ROSSPEN Publ., 2015. 405 p.
2. Mann M. *Istochniki social'noy vlasti. T. 4. Globalisatsii, 1945-2011* [The Sources of Social Power. V. 4. Globalizations, 1945-2011]. M., Gaydar Institute Publ., 2018, 672 p.
3. Brinton C. *The Anatomy of Revolution*. – New York: Random House Publ., 1965, 326 p.
4. Goodwin J. *Revolutions and Revolutionary Movements. The Handbook of Political Sociology*. Janoski T., Alford R., Hicks A., Schwartz M.A. (eds.). Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2005, pp. 404-422
5. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, Band I., 1995, 545 p.
6. Parsa M. *States, Ideologies and Social Revolution*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2000, 336 p.
7. Skocpol T. *States and Social Revolutions*. Cambridge, Cambridge university press Publ., 1979, 424 p.